

ТРУД

Орган Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов

Год издания 35-й
№ 122 (10769)

Воскресенье, 27 мая 1956 г.

ЦЕНА 20 КОП.

Воскресенье, 27 мая 1956 г., № 122 (10769)

Дело Тихомировых

Когда оглашали приговор, зал судебного заседания был переполнен. Многие толпились в коридоре, куда сквозом открытую дверь едва доносился голос судьи:

— Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда рассмотрела дело по обвинению Тихомировой В. С., Тихомирова Н. В., Рыбаковой В. Л. в убийстве гражданки Лапиной... Когда судья произнес последние слова: приговорить Тихомирову Валентину Семеновну к высшей мере наказания — расстрелу, никто не вздрогнул. Именно такого приговора ждали все, потому что уголовное дело Тихомировой и других было не обычным. Мы увидели в нем звериную пасть старого мира. Мы увидели человека-зверя, рожденного этим миром, для которого существует только один закон — волчий закон собственности...

Георгий Тихомиров и Маргарита Лапина жили в одной квартире.

Маргариту рано постигло горе — отец и мать умерли, брата унесла война. Еще совсем девочкой Маргарита осталась одна. Нет, не одна — с ней рядом был ее друг. С Георгием в детстве они были неразлучны, а когда пришла юность, полюбили друг друга. Вечерами они бродили по московским бульварам, мечтали.

В один из таких вечеров было решено: они должны быть вместе. Так думали эти молодые люди, только что вступающие в жизнь. По-иному думала мать Георгия — Валентина Семеновна Тихомирова. Дочь воронежского кулака, она имела свои взгляды на жизнь, свои воззрения. «Рехнулся ты, что ли, Георгий, — сироту, голодранку в нашу семью ввези. Не жди на это моего согласия». То же сказал ему и отец, смотревший на жизнь глазами жены.

Молодые люди вступили в брак втайне от родителей. Узнав об этом, Валентина Семеновна сказала Маргарите: «Женила на себе, змея подколодная, ну, хорошо же, ты еще узнаешь меня!».

Начались ссоры, скандалы. Бесчисленные, ничем не заслуженные оскорбления ежедневно сыпались на голову «постылой бесприданницы». Через два месяца молодые люди вынуждены были отделиться, а потом и вовсе перебраться в комнату Маргариты.

Жилось им нелегко. Георгий в то время учился в художественном училище, Маргарита — в акушерской школе. Стипендии не хватало. «Ни обувь, ни одеть нечего, — писала Маргарита родственникам, — но все это ерунда, явление временное, было бы здоровье у меня, у Жоры».

Нельзя спокойно читать и ее письма и тетке, которой она поверяла сокровенные думы.

«...Свекровь у меня — страшно тяжелый человек. Если даст кусок хлеба, так семь шкур сдерет за него. Вот почему, хотя нам и трудно, но от нее ничегошеньки не надо. Думала я раньше — хоть отчасти она мне маму заменит. Куда там! До сих пор кричит: «Отняла его у меня, женила на себе!» А мне так хотелось с ней дружить, настоящей, человеческой. Да, видно, не судьба!».

Шло время. Через два года после же-

ли только хорошее питание, постоянный уход, любовь и ласка. И Маргарита делала для этого все, что могла. Но все же молодой чете временами многого не хватало. А рядом, в соседней комнате, все дышало сытостью, ломилось от достатка.

Борьба с трудностями лишь сближала молодых людей, делала их еще более стойкими. Вскоре здоровье Георгия пошло на поправку. У них родился ребенок, которого по отцу назвали Георгием. Он был всеобщим любимцем. И только бабушка не хотела его знать. Она видела в нем лишь отпрыск ненавистной невестки, который окончательно оторвет от нее сына.

Спустя четыре месяца произошла трагическая «случайность» — ребенок умер от самоудушения, соской. При этой трагической смерти не было свидетелей. Никто не видел: сам ли ребенок задохнулся, или чья-то злая рука заткнула сосной его горлышко. И лишь однажды смутное подозрение закралось в душу Георгия. Когда хоронили его четырехмесячного сынишку, Валентина Семеновна сидела на кладбище с полным равнодушием, облокотившись на маленький гробик, и ела мороженое.

И это тяжкое испытание выдержали Георгий и Маргарита. Со временем их материальное положение улучшилось. Георгий стал работать художником-гравером. И свекровь не могла не чувствовать: чем дальше, тем крепче становилась семья сына. Она начинала понимать, что ни интриги, ни лишения, ни горе не сломают такой семьи. Оставался один выход — самый страшный... Но Тихомирова была не из тех, кто останавливается на полпути. Она начала готовиться. Готовилась она не спеша, около двух лет. Нужно было продумать все до мельчайших деталей.

Склонить мужа, Николая Владимировича, ей не представляло трудностей. Сложнее было найти непосредственного исполнителя, который бы согласился пойти на все. И она нашла такого человека. Впрочем, «нашла» — это не то слово. Она купила его.

С Рыбаковой она познакомилась случайно в Ховрине, у Медведевой — одной из своих заказчиц на вышивку.

— Вера — баба разбитная, прошла огонь и воду, — рекомендовала ее Медведева в один из вечеров, когда они собирались за бутылкой водки.

Вскоре договорились обо всем. Дело было слишком крупным, и, быть может, впервые в жизни Тихомирова не торговалась. Она предложила Рыбаковой пять тысяч рублей, а когда та замаялась, Валентина Семеновна добавила: «Впридачу получишь трофей», — так она называла вещи, которые, по ее расчетам, уже никогда не понадобятся Маргарите.

После этого подготовка развернулась вовсю. Как только темнело, собирались у Рыбаковой и, написавшись, обсуждали различные варианты. Лучшим из них было признано «самоубийство».

Постоянные скандалы, оскорбления, травля, потеря ребенка — не могли не сказаться на здоровье Маргариты. Она стала нервной, раздражительной, обращалась даже к невропатологу. Последнее время, точно чувствуя недоброе, она не

старухи, — сейчас это уже не уловить, — только на зов она не открывала комнаты. Около часа они караулили притаившись у двери. Наконец, Маргарита вышла на кухню. Рыбакова, в брав удачный момент, подкралась к ней сзади и, набросив на шею веревку, рванула к себе. Маргарита бросилась к входной двери, но там ее ждал Тихомиров.

«Папочка! Пусти, я никому не скажу!» — прошептала она. Тихомиров ждал ей рот, а его жена с Рыбаковой тянула петлю...

Через полчаса на лестнице раздался душераздирающий крик Тихомирова: «Удавилась, несчастная!».

Но преступникам не удалось обмануть следствие и суд. Десятки, сотни прямых и косвенных улик заставили их заговорить, но признание не было чистосердечным. До последнего дня, до самого несения приговора Тихомирова лгала, увиливала, клеветала. Расстрел был признанным наказанием этому зверю, пожалуй, не менее страшно, чем приговор, на суде прозвучали слова ее на:

— Она мне не мать, я отрекаюсь от нее.

Суровое возмездие постигло и участников Тихомировой.

Теперь, когда преступники наказаны, быть может, спросят: А стоило вообще заводить разговор об этой редкой по своей дикости, истории? Справа нет — история, действительно, дика, возвращающая нас мыслью к темным царству кабанов. Но ведь она произошла в нашей стране, и это не может не волновать нас.

Часто у нас проходят мимо такового позорного явления, как брак по расчету. Одних квартира в высотном доме нит куда больше, чем невеста или жених, — эти сами калечат свою жизнь, других толкают на это родители, которые смысл жизни своих детей видят в труде, любви и дружбе, а в убогом мещанском благополучии. И беда, если дети поступают вопреки их желаниям. Сколько несчастия готовят такие родители своим детям! Не задумываясь о судьбе, о счастье детей, они развращают и семьи, делают сиротами внуков.

Один за другим прошли перед следствием и судом свидетели по делу Тихомировых и Рыбаковой. Вот Екаторейна Емельяновна Полетаева, сослуживца Тихомировой по артели имени 800-летия Москвы.

— Знали вы об отношении Тихомировой к невестке? — спрашивает у нее судья.

— Да, знала, — отвечает Полетаева как бы оправдываясь, добавляет: — ведь я ж порвала с ней, отошла от нее подалеже.

— Да, знала, — отвечает и соседка Тихомировых Анна Иосифовна Куренная — знала, видела, но считала это частным, семейным делом.

Знали, но тоже «отошли подалеже» и брат Георгия, комсомолец Павел Тихомиров, и подруга Маргариты — Звягина, и ее тетка Е. Лапина и многие другие допрошенные и недопрошенные свидетели. Никто из них не вмешивался, не

химомировой с новой силой вопыхнула надежда расколоть семью сына, выжить «проклятую» невестку, оставшуюся теперь одинокой. Эта надежда постоянно подогревалась подлой мыслишкой женить сына на другой, «настоящей» жене, втянуть его в мир своих, тихомировских устоев и воззрений.

Опять начались ссоры, интриги, бесконечные нападки на молодую женщину, но, как и раньше, они разбивались о настоящее большое чувство. Напрасно Валентина Семеновна пыталась повлиять на Георгия через своего другого сына. В ответ на письмо брата Георгий писал:

«...Павел! Поддерживать родственную связь из-за того только, что она родственная — не собираюсь. Мои родители всячески стараются показать мне и Маргарите, что она никакого родственного отношения к нам не имеет, и поэтому ее можно не замечать, оскорблять, травить. Все вы, Павел, ошибаетесь. Маргарита мне дороже всего и всех на свете...».

Вскоре после демобилизации Георгий заболел туберкулезом. Спасти его мог-

ви, ее «страшных глаз». Этим и воспользовалась Тихомирова.

Из квартиры Тихомировых, от Валентины Семеновны, от ее мужа пополз по дому змеинный шепоток: «Маргарита сошла с ума, она помышляет о самоубийстве, ее уже вынимают из петли...».

Преступление совершилось, когда Георгий не было дома, а соседка уехала в командировку. Кроме Маргариты, в квартире никого не осталось. Ее свекровь рано утром заехала за Рыбаковой, напоила ее для храбрости и вечером привезла к себе. Здесь их уже поджидал Н. В. Тихомиров.

У каждого было свое место, своя позиция. Тихомирова с Рыбаковой спрятались за полог у входной двери. Муж остался на кухне. Оттуда он позвал Маргариту «смерить для лодки чехол».

Но то ли слишком подозрительным ей показался елеинный голос Тихомирова, то ли вспомнила она, как совсем недавно родители мужа «угощали» ее пирогом, в котором было толченное стекло, а может, представились ей страшные глаза

жет!» И, кончив, о котором мы говорим, вокруг Тихомировой, ее мужа, в начале была создана атмосфера нетерпимости, общественного негодования, если бы вместо двадцати восьми свидетелей, прошедших по делу, было двадцать восемь активных борцов с тихомировской волчьей «моралью».

А сколько бы преступлений было предотвращено, если бы каждый, все, а не только некоторые, включились в эту борьбу! Ведь мало раз или два красиво выступить на собрании или написать статью в стенгазету. Борьбу надо вести ежедневно, ежедневно, без усталости на улице — с пьяным хулиганом, в квартире — с соседом-склочником, на работе — с служащим-врачом, в семье — с родственником-мещанином.

Для этого мы располагаем большой, очень большой силой. Она намного превосходит возможности милиции или прокуратуры. Это — сила коллектива, сила общественного воздействия.

Анатолий БЕЗУГЛОВ,
Виктор ПЕРЕЛЬМАН.